

и таежное, а по сути, заводское и крестьянское. Тем был в свое время и интересен этот характер. Возникает в повести и война, что большая редкость у С., поскольку тягот войны он не испытал. Во всяком случае, он строил свою повесть как романное произведение, где присутствуют и завод, и крестьянство, и война, а в образе раненого художника — и проблема творчества.

От «Каменного фундамента» отдельные нити протянулись и в др. произведения С., в т. ч. и в поздние — так, например, в «**Свинцовом монументе**» вновь возникает образ художника. Раздумья писателя о современности стали основой повестей «**Горный ветер**» (1957), «**Не отдавай королеву**» (1960) «**Медленный гавот**» (1967). Интересно, что повести написаны от первого лица. В «Горном ветре» это 19-летний Костя Барбин и его друзья, а в др. двух они на 3–4 года старше. Сейчас повести кажутся устаревшими по своей проблематике («психоз высшего образования»), но в свое время они, возможно, благодаря чутко подмеченному молодежному языку, а также метко схваченным деталям быта и учебы, имели своего, в т. ч. и молодежного читателя.

Наиболее крупным произведением по охвату жизни Сибири — от дореволюционных до послереволюционных лет — стало широкое полотно «**Хребты Саянские**». С. знакомит читателя с исторической обстановкой конца 1890-х. Это годы интенсивной, подчас хищнической капитализации Сибири. В Сибири возникает и развивается рабочий класс. Отец С. был рабочим-железнодорожником на прокладке Транссибирской железнодорожной магистрали. Возможно, его рассказы послужили, в свое время, основой мн. сцен в романе, где идет речь о великой железной дороге. Однако в гораздо большей степени С. выступает в «Хребтах Саянских» как историк и даже историк-архивист. Его книга насыщена богатым историческим материалом. Он создал целую галерею лиц — рабочих, профессиональных революционеров, охотников-промысловиков, интеллигентов, принадлежавших к разным партиям. Но в центре произведения — судьбы нескольких рабочих семей; именно они и создают, по мнению С., хребет Сибири.

«Хребты Саянские» — наиболее крупное произведение С., но, по-видимому, запас материала, наблюдений, раздумий был так велик, что он вновь вернулся к тематике «Хребтов Саянских» в 2-томном романе «**Философский камень**» (1971). В нем он продолжил действие «Хребтов Саянских» в годы

Гражданской войны и в годы строительства социалистической Сибири. Однако большой и разноплановый материал не обрел надлежащей худож. формы. Критика и прежде указывала С. на главный недостаток его манеры — неслаженность и хаотичность композиции, отсутствие сфокусированности и целеустремленности действия.

С. принадлежит к числу писателей, быстро уходящих в прошлое, — он отдал полную дань существовавшим в его время канонам. В романе «Свинцовый монумент» он показал, как художник подчинил свое творчество требованиям партии. Это же с полным правом и гордостью С. говорил и о себе. Нередко несомненный талант спасал его — особенно в ранних книгах, где есть семейный очаг, людские радости и беды, где есть непосредственность, где еще не иссушили талант иллюстративность и тезисность.

Соч.: СС: в 6 т. М., 1978–80; Алексей Худоногов. 1946; По Чунским порогам. Красноярск, 1946; Барабинские повести. М., 1946; Жаркий летний день. М., 1969; А ты гори, звезда. М., 1975; Вечная песнь-колыбельная. М., 1983.

Лит.: Ершов Г. Сергей Сартаков: Жизнь и творчество. М., 1969; Дремов Ан. Сергей Сартаков. Очерки творчества. М., 1975; Колтелов А. Л. Сергей Сартаков. Лит. портрет. Новосибирск, 1986.

А. И. Павловский

САФОНОВ Эрнст Иванович [11.4.1938, пос. Сараи Рязанской обл.— 27.10.1994, Москва] — прозаик, переводчик, публицист.

Э. И. Сафонов

Родился в семье потомственных крестьян. Детство пришлось на военные и первые послевоенные годы. Война застала семью в г. Высоко-Литовское, близ Бреста. Отец воевал в партизанском отряде. С. с матерью и старшим братом Валентином (тоже писателем, ставшим впоследствии членом СП СССР) оказались в числе беженцев, затем — узников фашистского концлагеря у станции Волоть; были приговорены карателями к расстрелу, чудом спаслись, долго скрывались на лесной базе партизанской бригады. В 1944 вернулись на родину, в пос. Сараи Рязанской обл. С. учился на историко-филол. ф-те Рязанского педагогического ин-та (1957–60). Окончил Лит. ин-т (1965), там же вел семинар прозы.

После первого сб. рассказов **«Мужчины»** (Рязань, 1962) издал более 15 книг прозы. Печатался в альм. «Теплый Стан», в ж. «Наш современник», «Человек и закон» и др.

В произведениях С. прослеживается жизнь целого поколения — детей войны, прошедших «через унижение страхом и голодом и через осознание всеисильности человеческого добра. Нет маленького добра, нет большого, — утверждает сам С., — есть человек, живущий по правде, и он всегда сурово, справедливо добр. Такого человека... можно найти в моих рассказах и повестях. Он мне близок» (**«Прожитый день»**, С. 7). С. глубоко понимает и ценит в своих героях стремление воссоздать единство окружающего их мира, как, например, в 6-летнем Васе — герое первой автобиографической повести **«В нашем доме фашист»** (1966), — словно в противовес детским впечатлениям той, взорванной войной жизни. Герой С. — это прежде всего собиратель жизни в единое целое (как беловский Иван Африканыч). Жизненный материал, с которым имеет дело С., так или иначе связан с именами В. Астафьева, В. Белова, Е. Носова, В. Распутина, В. Шукшина. «Россия начинается с избы...» (**«Прожитый день»**, С. 348) — словно задает себе тональность автор рассказов **«Крыша над головой отца»** (1970), **«В деревне»** (1986), повести-хроники **«Хлеб насущный»** (1978), исторического романа **«Казенные люди»** (1981) и др. При этом худож. манера сафоновской прозы явно выдает собственный писательский почерк, своеобразие писательского мышления. Этот особый «сплав» жизни и слова «привлекает свою неброскостью... как бы привычностью... развернутыми и интонационно выверенными, пластически выпуклыми и рельефными описаниями, яркими ме-

тафорами и сравнениями... С. как прозаик отличает и элегическая задумчивость интонации, и легкая ирония, и зрелищность образа...» (Панкеев И. — С. 487). В критике отмечено также и мастерство С.-психолога: «Писатель создает характеры психологически тонко, метко и убедительно. Бесхарактерных, пусть даже проходных типажей для него не существует. Очень часто авторская речь незаметно переходит во внутренний монолог героев, и это своеобразное слияние речи автора и героев придает стилю произведений окраску доверительности» (Шереметьев Б. — С. 7). Однако стиль никогда не становится для С. самоцелью, он не столько выписывает окружающее (обстановку, людей и т. п.), отдаваясь словесной стихии, сколько концептуально выстраивает произведение.

Одна из важнейших и излюбленных тем С. — тема детства и юности. Дети и молодежь у С. постоянно стремятся найти ответы на вопросы, которые ставит жизнь. В иных случаях молодые люди С. как бы не замечают глубинных течений жизни и даже не пытаются проникнуть в ее глубину: например, Павел Юрченко (**«Прощай, старик!»**, 1970), сын Николая Бабушкина (**«Прожитый день»**, 1971). Тогда их ожидает возмездие, как Петрова из одноименного рассказа (1985), который лишь на закате дней вдруг понял, что вся его жизнь и работа были бесцельны и бессмысленны.

Вопросы преемственности поколений, ответственности родителей за судьбы детей постоянно ставятся и в публицистике С. В 1980-е он был увлечен работой над сб. ежегодником «Категория жизни», в который отбирались произведения из текущей периодики о делах и быте, нравственных исканиях и проблемах современной молодежи. В послесл. к одному из таких сб. в ответ на тогдашнее общественное «брюзжание» по поводу порочности подрастающего поколения С. писал: «...когда острые вопросы социального, гражданского свойства нетерпеливо, тревожно, с максималистской требовательностью возникают и бурлят в молодежной среде, но „ввязнут“ в дремучей незыблемости официального умолчания, в тенетах бюрократической самонадеянности и слепоты, — они, по существу, диктуют молодым линию поведения, своей якобы „неразрешимостью“ порождают скепсис, инфантильность, а то и слабодушие... Что посеешь, короче, то и пожнешь!» (**«Продолжение следует // Категория жизни: Рассказы и повести советских писателей о молодежи нашего времени. М., 1988. С. 395–398»**).

Острое чувство собственной сопричастности судьбам окружающих людей и судьбе Советского государства — характерная особенность автора и героев прозы С. Гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война, послевоенные годы, так называемый застой, перестройка представлены С.-художником как «драматический и славный... опыт народа, явленный в непростых судьбах простых людей... Сафонов приучает... к положительному (и нелегкому) смыслу этого отчасти дискредитированного понятия (простой человек.— Р. Т.)... Любимый герой Сафопова — это непритязательный, внешне не очень яркий человек. Но основательный и даже горячий в борьбе, в труде и в поиске истины, в поиске причин своей ли душевной смуты, общих ли промахов и ошибок. При всем том это именно простой советский человек. Не примитивный!..» (Лебедев Е.— С. 4). В этом смысле можно назвать простыми людьми фронтовиков из повести **«Дети, в школу собирайтесь!..»** и рассказа **«Под высоким небом»** (1972), Андрея Филипповича (**«В туман на переправе»**, 1963), ревизора сберкассы (**«Прощай, старик!»**), Курбана Рахимова (**«Золото долгих песков»**, 1975), Георгия Гогоберидзе (**«Протекция»**, 1979), Тимергали Мирзагитова (**«Хлеб насущный»**). Это люди, для которых любовь к ближнему, долг и самопожертвование не абстрактные понятия, пришедшие извне, но неотъемлемая часть их внутреннего мира. Люди с сильной и деятельной душой. О том, насколько труден путь к такой простоте, говорят образы писателя Дмитрия Рогожина из **«Старой дороги»** (1969–70), актера областного ТЮЗа (**«Крыша над головой отца»**), следователя из **«Протекции»**, чиновника Петрова, шофера Николая Бабушкина из рассказа **«Прожитый день»**.

Рубеж 1980–90-х отмечен выходом двух итоговых книг С. (**«Прожитый день»**, 1988 и **«Избранное»**, 1991), включающих произведения прежних лет и совсем новые вещи, позволяющие говорить о «своего рода новом качестве прозы... органично продолжающей предшествующее» (Панкеев И.— С. 482). Особенно критиками были выделены острая лирическая и философская составляющие прозы С., ее сочность и колоритность. Например, небольшую повесть **«Осень за выжженными буграми...»** (1968), по мнению И. Панкеева, «как-то по-особенному вкусно читать, вспоминая при этом целый ряд разновеликих мастеров пейзажа — от Бунина до Лихоносова... Не движение сюжета, а движение характера, развитие самого по себе духа, которому не прикажешь, где и как

ему бродить,— вот что таинственно завораживает и прельщает» (Там же. С. 486). С.—тонкий, талантливый рассказчик, владеющий особым «даром отсекал лишнее, доводить фразу до филигранной точности, деталь — до объемности» (Там же. С. 491). Прелесть лучших лирических рассказов и повестей С. (**«Лестница в небо»**, 1986; **«Тонкие натурь»**, 1964–65; **«Золото долгих песков»** и др.) не в демонстрации мастерства, даже не в концептуальной завершенности, а в той этико-эстетической атмосфере, когда все прекрасное в природе стремится слиться с возвышенным в человеке, а безобразное отторгается, изгоняется (не зря почти полностью ушла природа из рассказа **«Крыша над головой отца»**). Это относится и к **«Старой дороге»**, и к **«Прожитому дню»**, и к **«Петрову»**, и к **«Африканскому баобабу»**.

Повесть **«Африканский баобаб»** (1977), в которой органично слиты и народный комизм, и трагедийность, и проникновенная лирика, требует от читателя соразмышлений, и тогда за первым планом появляется иной, фраза обретает объемность, мысль находит целый ряд ассоциаций, возвышаясь от частного к общему, от события — до явления. Ведь не в экзотическом дереве дело, пишет С.: «Но что для сердца какой-то африканский баобаб? Так, забава, интерес, озорство мысли...» Авторская воля не позволяет усмехаться над доверчивостью Степана Чикальдаева, задумавшего вырастить баобаб на своем огороде, не заставляет осудить зятя Степана Виталия, обманувшего старика, подсунувшего ему невесту что вместо «ореха баобаба». Повесть заставляет задуматься: как оказались они рядом, эти люди, зачем? Как в большинстве произведений С., эпицентром худож. пространства здесь становится момент пересечения человеческой воли и всеохватной судьбы. Это нашло наиболее явное отражение в рассказе, который долго не мог пробиться к читателю,— **«Лестница в небо»**. Это «попытка уважительного, глубокого разговора о столь не поощряемом, почти запретном последние десятилетия предмете, как судьба... Автор... не просто выстраивает канву жизни своего героя, а прослеживает предначертанную, замыкающуюся в круг линию его жизненного пути... Орбита Здислава (главный герой рассказа.— Р. Т.) — орбита катаклизмов... Стремившийся к небу, с него и падает герой. Воевавший за свободу внука им же и отторгается, ибо не той оказалась свобода, не такой. Пересекаются орбиты, совмещаются сферы, и все это — внутри одного человека, обязанного все вынести, ибо без него такого мир не полон» (Панке-

ев И.— С. 491). В означенном ключе и пафос последнего, опубликованного уже после смерти писателя романа **«Выйти из круга»** (1988).

Стремление к воссозданию органической полноты жизни двигало и пером С.-публициста. Боль за «пребывающий в угнетенности — из-за непрекращающихся политических экспериментов — русский народ» (Первая книга героя Чернобыля // Слово. 1991. № 11. С. 15) в соединении с критическим и покаянным отношением к своему поколению (С. был членом КПСС с 1958) — наиболее характерные краски его публицистических размышлений (**Русские писатели в США** // Лит. Россия. 1990. № 21. 25 мая. С. 18–19; **Земное притяжение** // Края Москвы, края родные. М., 1985. С. 198–216), книга-дневник **«Не забудь оглянуться»** (М., 1987), составившая материал для одноименного худож. фильма о трагедии человека, вернувшегося с афганской войны; статьи и очерки в «Правде», «Сельской жизни», «Огоньке», «Сельской жизни», за которые С. отмечен дипломами, званием лауреата «Золотого пера».

С. перевел более 20 книг с татарского и башкирского яз.

В течение всей жизни С. работал в редакциях различных газ. и ж.: «Известия», «Неделя», «Роман-газета», «Московский вестник», «Правда», «Огонек», «Медицинская газета»; главным редактором «Лит. России» (1989–94). Работал на Всесоюзном радио. Был членом Центральной ревизионной комиссии СП СССР (1986–91), председателем приемной комиссии Московской организации СП РСФСР (до 1989), секретарем правления СП РСФСР, секретарем СП России (1994), членом совета Международного фонда славянской письменности и культуры, комиссии по Гос. премиям РФ.

Лауреат лит. премии СП России, кавалер ордена «Знак Почета» (1986).

Соч.: Дождь в пригоршнях. М., 1965; Тонкие натуры. М., 1967; Мгновения жизни. М., 1969; Деревенская история. М., 1971; Личная жизнь: роман. М., 1973; Еду к брату. М., 1977; Казенные люди: Роман, повести. М., 1981; Прожитый день. М., 1988; Избранное. М., 1991; Мой дом посредине войны. София, 1994. [На болгарском яз.]; Выйти из круга: роман. М., 1995.

Лит.: Лебедев Е. [Предисл.] // Прожитый день. М., 1988. С. 3–6; Шереметьев Б. День прожитый и день грядущий // Лит. Россия. 1988. № 15. 15 апр. С. 7; Панкев И. Пересечение звука и сути: О прозе Эрнста Сафонова // Избранное. М., 1991. С. 482–492; Фалатов Ю. Вместе по земле ходим // Лит. Россия. 1998. № 15. 10 апр. С. 10; Тер-Маркьян А. Как живой // Лит. Россия. 1998. № 15. 10 апр. С. 10.

Т. В. Рябова

В. Саянов

САЯНОВ Виссарион (настоящее имя Виссарион Михайлович Махлин; по др. данным — Мохнин) [3(16).6.1903, Женева (Швейцария), по др. данным — д. Иванушкинская Ичорской волости Киренского у. Иркутской губ.— 22.1.1959, Ленинград] — поэт, прозаик.

Родился в семье профессиональных революционеров. Детство прошло в Сибири, куда на пожизненное поселение были посланы родители. Грамоте и иностр. языкам учился у местного священника и ссыльных. «Именно там,— писал С. в автобиографии,— на далеких приисках, научился я любви к великому русскому слову, узнал тайны коренного русского языка... Первые стихи, написанные мною, были посвящены витимско-олекминскому краю, и повествованию о нем я посвятил долгие годы жизни» (Стихотворения и поэмы. С. 35). После Февральской революции вместе с родителями С. переезжает в Петроград, где некоторое время учится в гимназии, а затем на общеобразовательных курсах (1917–19). В 1920–22 С. работал учителем начальной школы в шахтерском пос. Тугайкуле Челябинской обл. В 1922 Союз горнорабочих откомандировал С. на учебу в Петроградский ун-т. С 3-го курса (1925) был призван на военную службу.

С начала 1920-х С. активно участвует в литературной группе «Смена», куда входили такие ленинградские поэты, как А. Гитович, Б. Лихарев, Б. Корнилов. На занятиях группы иногда присутствовали В. Маяковский, М. Светлов и Н. Тихонов. Поэтический